

ПРОЛОГ

Ноттингем, Англия

Апрель 1931 года

Еще одну главу — и всё. Эмма, устроившись с «Эммой» Джейн Остен на коленях, задержалась в подсобке на втором этаже книжной лавки «Тауэр», которой владел ее отец. Жаль только, что родители называли ее не в честь главной героини. Свое полное имя — Эммалина — она получила в честь тетушки, с которой так и не познакомилась. Тетушка умерла десять лет назад, ровно в тот день, когда Эмме исполнилось семь.

А этот роман был одним из самых ее любимых.

— Эмма! — Голос папы донесся откуда-то снизу, непривычно резкий.

Она нахмурилась: отец почти никогда на нее не сердился.

Может быть, он раздражен, потому что в воздухе все еще не рассеялся дым от сигары покупателя, который заходил утром.

Она вложила в книгу обрывок бумаги вместо закладки.

— Эммалина! — Второй оклик прозвучал так тревожно, что она насторожилась.

Отец никогда не паниковал.

Эмма резко вскочила, забыв про книгу, и та упала на пол с глухим стуком.

— Я в кладовой! — крикнула она на бегу.

Ручка двери оказалась раскаленной. Эмма взвизгнула, отдернула руку и тут увидела дым — тонкие струйки просачивались из-под двери, серебрясь в полосе солнечного света.

Пожар.

Она обернула ладонь подолом юбки и повернула ручку. В дверной проем ворвались клубы удушливого черного дыма.

От неожиданности она сделала глубокий вдох. Легкие тут же наполнились обжигающе горячим воздухом. Согнувшись в приступе кашля, Эмма попятилась, не сознавая, что ноги сами несут ее подальше от опасности.

Но куда? Если не считать окна, из кладовой на втором этаже был только один выход.

— Папа! — закричала она в ужасе.

Через мгновение он был рядом с пледом в руках, тем самым, что она держала в лавке на случай, когда по утрам печь еще не успела прогреть старый дом целиком и было зябко.

— Держись ближе. — Плед, который отец сумел накинуть на них обоих, заглушал его голос. Отец прикрывал тканью рот, однако приступ жесткого кашля на ходу сотряс все его тощее тело.

За стеной дыма взору открывалась сцена словно из «Потерянного рая» Мильтона: языки огня змеились по высоким стеллажам, пожирая книги — результат многолетних трудов и забот.

Эмма закричала, но ее крик заглушил плед.

Папина ладонь жестко подталкивала ее вперед.

— Надо бежать. — Не сбавляя шага, он повел ее к витой металлической лестнице. В детстве она любила сбегать по ней, слушая, как звенят под ногами ступени.

— Горячо. Не дотрагивайся, — предупредил отец.

Эмма боком прижалась к нему: узкая лестница едва вмещала их рядом. Под их весом конструкция ходила ходуном; от былой надежности не осталось и следа. От жара кожа, казалась, вот-вот пойдет волдырями. Слишком жарко. Слишком близко. Все слишком.

Они все глубже погружались в раскаленную пасть огня.

Подошвы обуви прилипали к последним ступеням, и резина плавилась, коснувшись раскаленного металла.

Ряды книжных полок превратились в бушующий огненный лабиринт. Даже папа на мгновение замер перед этой стеной пламени.

Но пути назад не было.

Огонь превратился в живое существо. Треск, шипение, хлопки — и рев, рев, рев, такой яростный, что казалось, это и впрямь дикий зверь.

— Бежим! — крикнул отец и сильнее потянул ее за собой.

Они рванули вперед, между колоннами огня — бывшими книжными шкафами. Над ними раздался оглушительный треск, и водопад искр и пламени подтолкнул их к выходу.

Эмма не знала, что способна бежать так быстро. Она неслась, как никогда в жизни, а папа крепко обнимал ее, проводя сквозь огненный хаос, пока путь им не преградила сплошная стена огня.

Папа заревел громче огненного чудовища и бросился к охваченным пламенем дверям. От удара двери распахнулись; за ними ярким солнцем сиял день. Отец обернулся к Эмме как раз в тот миг, когда она бросилась следом, и рывком вытащил ее на улицу.

Девушка жадно втянула прохладный влажный воздух, наполняя им измученные легкие. Вокруг собралась толпа зевак, глазевших на пылающий книжный магазин. Несколько человек подбежали, взволнованно спрашивая, не ранены ли они.

Вдали завывли сирены пожарных автомобилей. Эмма слышала их множество раз, но раньше эти звуки ее не касались.

И вот теперь они воют по ее душу. Сжимая папину руку, она оглянулась на здание, принадлежавшее двум поколениям ее семьи. Однажды оно должно было перейти к ней. Она скользнула взглядом к двум верхним этажам, некогда бывшим их домом.

Раздался грохот, и огненный зверь проглотил крышу и стены.

Когда оставшаяся часть здания начала рушиться, кто-то обхватил ее сзади и оттащил подальше. Рука отца выскользнула из ее ладони. Эмма даже не попыталась схватиться за нее

вновь. Сил не осталось ни на мысли, ни на движения. Она лишь смотрела, как здание оседает внутрь, превращаясь в груду пылающих обломков. Дело их жизни. Их дом.

Все фотографии матери Эммы, умершей вскоре после рождения дочери, все книги, которые они с отцом так тщательно собирали по книжным лавкам по всей Англии, — все, чем они некогда владели.

Все пропало.

К ней пришло осознание, и Эмма подавила рыдание.

Не осталось ничего.

— Нужен врач. — Мужской голос прорвался сквозь пелену ужаса, и она взглянула на отца.

Он лежал на земле без движения. Красивое худощавое лицо было измазано копотью, а густые седые волосы — когда-то почти того же каштанового оттенка, что и ее собственные, — теперь торчали черными обожженными клочьями.

— Папа? — Она опустилась на землю рядом.

Он поднял на нее глаза — бледно-голубые, полные такой любви, что у нее сжалось сердце. С каждым вдохом из груди его вырывался хриплый свист, словно на плите закипал чайник.

— Ты жива.

С этими словами его тело безвольно обмякло.

— Папа! — закричала Эмма.

Но его взгляд уже не находил дочь. Он смотрел сквозь нее — пустой, невидящий.

Эмма задрожала — так неестественно он выглядел. Ее родной отец — и в то же время совсем не он.

— Папа?..

Сирены все еще завывали где-то вдалеке.

— Я врач, — сказал какой-то человек, опускаясь на колени с другой стороны.

Он коснулся почерневшей шеи отца и взглянул на Эмму. Его карие глаза были полны печали.

— Мне очень жаль, милочка. Он умер.

Эмма уставилась на врача, отказываясь верить своим ушам, но не в силах не верить своим глазам.

Они всегда были вдвоем — отец и Эмма. Вдвоем против всего мира, как любил говорить папа. Они читали одни и те же книги, а потом обсуждали прочитанное. Они работали в книжной лавке бок о бок — не просто отец и дочь, а настоящие друзья и коллеги. По окончании школы Эмма объездила с ним букинистов по всей Англии, и они вместе выбирали книги для своей лавки, как, например, те драгоценные первые издания, которые все еще были в пути из Нью-касла.

И вот теплый свет в его глазах погас. Исчез.

Не было их больше «вдвоем против всего мира».

Его не стало.

Не стало их лавки.

И дома не стало.

Вся ее жизнь, все, что она любила, исчезло навсегда.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

